

Карасик В.И.
Волгоград, Россия

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ
«БЛАГОПОЛУЧИЕ»

УДК 49:008
ББК 81.871:71

Аннотация. Рассматривается концепт «благополучие», обозначающий спокойную гармонию в жизни и имеющий идеологически маркированные ассоциации в религиозном либо революционно-романтическом дискурсе.

Ключевые слова: концепт, советская эпоха, религиозный дискурс, революционно-романтический дискурс, ответственность, общественное благо, личное благо.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 32, кв. 55.
E-mail: vkarasik@yandex.ru.

Karasik V.I.
Volgograd, Russia

AN EMBLEMATIC CONCEPT
“WELL-BEING”

ГЧСТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The concept of well-being is analyzed. It means a quiet harmony in life and has ideologically charged associations in religious or romantic revolutionary discourse.

Key words: concept, the Soviet epoch, religious discourse, romantic revolutionary discourse, common values, personal values.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

400005, pr. Lenina, d. 32, kv. 55.

Лингвокультурные концепты – сложные ментальные образования, фиксирующие кванты переживаемого опыта – могут рассматриваться с различных позиций. С позиций аксиологической лингвистики на первый план выходит ценностная составляющая концептов, с позиций когнитивной лингвистики значимым оказывается соотношение понятийного и образного содержания того или иного ментального образования, с позиций интерпретативной лингвистики в центре внимания исследователя находится различие между коллективным и индивидуально-авторским осмыслением концепта, с позиций социолингвистики нас интересует специфическое осмысление действительности в сознании представителей определенной социальной группы (Воркачев, 2007; Демьянков, 2007; Карасик, 2004; Красавский, 2008; Пименова, 2004; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008; Шмелев, 2002). Эти подходы взаимодополнительны.

В данной работе рассматривается концепт «благополучие» в русском языковом сознании и коммуникативном поведении. Предполагается, что этот концепт имеет социально-групповую специфику, т.е. по-разному осмысливается представителями различных коммуникативных сообществ, и отношение к благополучию является одним из признаков самоидентификации этих сообществ. Самоидентификация выражается в виде однозначно интерпретируемых и моментально осознаваемых эмблем: например, кто-либо позиционирует себя как взрослого интеллигентного человека, либо представителя артистической богемы, либо революционного романтика и т.д. Такое позиционирование, по справедливому замечанию Е.Д. Поливанова (1968), в значительной мере помимовольно, т.е. не зависит от намерения человека, а выражается как следствие важнейших смысложизнен-

ных установок, но вместе с тем включает и элементы сознательного конструирования своего образа.

Содержательный минимум рассматриваемого концепта определяется по данным толковых словарей следующим образом:

Благополучие 1. Спокойное и счастливое состояние, существование; жизнь в достатке. *Семейное благополучие. Материальное благополучие. Желаю Вам всякого благополучия (пожелание при прощании, поздравлении и т.п.).* 2. Нормальное, без каких-л. нежелательных явлений состояние чего-л. *Благополучие лесов (БТС). Спокойное течение жизни, не нарушаемое несчастьями, неудачами. Благополучие их семьи длилось не долго.* || Довольство, материальная обеспеченность. *Многие думают только о своем благополучии* (Ушаков). *Благоденствие, благосостояние, счастье, желанное состояние, душевное приволье, удовольствие. Донесения о благополучии – вообще все срочные донесения, не содержащие ничего, кроме известия, что все обстоит благополучно* (Даль). 1. Спокойное – без неудач и потрясений – течение дел, жизни. // Материальная обеспеченность, достаток. // Счастье в любви, в семейной жизни. 2. разг. Обычное – без отклонений от нормы или нежелательных явлений – состояние кого-л. (Ефремова). 1. Человека называют благополучным, если он имеет хорошую работу, достаточно денег и у него вообще нет проблем в жизни. *Вырасти в благополучной семье. Она бросила своего благополучного мужа.* 2. Благополучным называют то, что включает в себе спокойствие и довольство. *Благополучная страна. У них вполне благополучный брак. Жизнь казалась такой благополучной и удачливой.* 3. Благополучным называют то, что является удачным, успешным. *Шансов на благополучный исход у меня было*

немного. Мы надеялись на благополучное возвращение. 4. Благополучным называют то, что не вызывает тревоги и опасений. *Благополучное развитие событий. Экологическая обстановка в этом районе благополучна* (Дмитриев).

Приведенные дефиниции дают возможность выделить в содержании рассматриваемого концепта следующие признаки: 1) состояние человека, 2) спокойствие, 3) счастье, удовольствие, 4) отсутствие нежелательных явлений, 5) материальная обеспеченность. Словарные иллюстрации конкретизируют признаки благополучия: акцентируется семейное благополучие, подчеркивается быстротечность и кажимость благополучия, говорится о противопоставлении личного и общественного благополучия.

Внутренняя форма имени концепта прозрачна: это получение блага. Следует отметить, что из 70 слов с компонентом «благо», зафиксированных в современном толковом словаре, подавляющее большинство единиц является устаревшим, многие слова относятся к религиозному дискурсу (*благовест, благодать, благодеяние, благословение, благочиние*).

Рассматривая различные концепции счастья, С.Г. Воркачев противопоставляет два понимания этого состояния: отсутствие зла либо отсутствие скуки (Воркачев, 2004, с.76). Благополучие в этой связи представляет собой проявление спокойного счастья. Отмечено, что пассионарное счастье свойственно юным, с годами же человек приходит к осознанию ценности счастья как покоя.

Понятийные характеристики благополучия показывают определенную динамику в осмыслении этого концепта: в словаре В.И. Даля благополучие объясняется как душевное состояние, как счастье, в то время как в современных лексикографических справочниках на первый план выдвигаются материальный достаток и хорошая работа. Иначе говоря, наши современники под благополучием понимают объективные признаки жизни, тем самым противопоставляя взгляд на жизнь со стороны и изнутри.

Слово «благополучие» соотносится с близкими по значению лексическими единицами «благоденствие» (полное благополучие), «процветание» (успешное развитие, состояние подъема, расцвета), «преуспевание» (достижение успеха в чем-л.), «успех» (положительный результат, удачное завершение чего-л.; общественное признание, одобрение чьи-л. достижений). Успех является условием благополучия, как правило, люди прилагают усилия для достижения успеха. Процветание и преуспевание относятся к деловой, профессиональной стороне жизни, в то время как благополучие характеризует главным образом личную сферу повседневного бытия. Благоденствие выступает как интенсив по отношению к благополучию и в наши дни чаще звучит иронически.

Обратимся к образно-перцептивным и ценностным характеристикам рассматриваемого

концепта. В содержании регулятивных концептов, к которым относится и ментальное образование «благополучие», образные и ценностные характеристики неразрывно связаны между собой. В качестве источников использовалась текстовая база данных «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин, ИЛИ РАН). Для выявления таких характеристик рассматриваются сочетаемостные особенности имени анализируемого концепта. Итак, каким бывает благополучие?

В широком смысле благополучие есть положительно оцениваемое состояние человека или общества:

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье – это «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни» (А. Зубаирова).

Не случайно в текстах XIX века это слово во многом совпадало по своей семантике со словом «счастье»:

Иной педагог весьма благополучно протянет век свой с наивным «не рассуждать», а для ученика, может быть, вся задача жизни заключается именно в том, чтоб рассуждать – здесь его спасение и благополучие (Н. Лесков).

Внутренняя форма слова четко проявляется в его осмыслении:

Научные же, технические успехи есть дело возраста, и цивилизованные люди столь же мало в своем благополучии превосходят нецивилизованных, сколько взрослый человек превосходит в своем благополучии не взрослого. Благо только от увеличения любви (Л. Толстой).

Такое целостное понимание концепта «благополучие» соответствует английскому концепту «well-being».

В более узком понимании благополучие имеет определения «земное», «человеческое», «житийское»:

А расстаться с житейским благополучием для него было не так просто... (К. Бадигин).

К благополучию привыкают. Оно пронизывает всю повседневную жизнь, и его отсутствие остро ощущается. Вместе с тем благополучие имеет для человека значимость здесь и сейчас, оно конкретно и осязаемо:

Наш Базаров также, конечно, был неопровержимо логичен, когда отказывался служить интересам мужика, и высказывал полнейшее равнодушие к тому человеческому благополучию, которое должно наступить, когда из него, Базарова, «будет лопух расти» (С. Франк).

Для персонажа из известного произведения И.С. Тургенева значимы только смысложизненные цели, и он пренебрежительно относится к повседневности, тем более – к повседневности грядущей.

Четкое противопоставление благополучия и высших ценностей прослеживается в религиозном дискурсе:

Для каждого из нас настанет, в конце концов, последний смертный час, и всякое земное благополучие исчезнет, как пар, как дым, но это будет не «конец всему», а только начало новой жизни – в вечности (Аверкий Архиепископ).

В приведенном высказывании построен контраст между земным благополучием и вечностью, и в таком контрасте благополучие становится суетным и быстротекущим обманом, похожим на исчезающий пар или дым (традиционное сравнение жизни с паром изо рта восходит к известному образу в «Экклезиасте»).

Целостное понимание благополучия подразумевает осознание его мимолетности:

Рассеянные кое-где проклятия по адресу большевиков да идиллические воспоминания об утраченном благополучии не могли образовать новый, соответствующий событиям идейный состав их писаний (В. Ходасевич).

Русские эмигранты с тоской вспоминали о старой жизни. Отметим, что это были люди, потерявшие как материальный достаток и высокий социальный статус, так и душевный комфорт.

Важным признаком благополучия является осознание необходимости прилагать усилия для его обеспечения:

Дрянненький студент Трофимов красноречиво говорит о необходимости работать и – бездельничает, от скуки развлекаясь глупым издевательством над Варей, работающей не покладая рук для благополучия бездельников (М. Горький).

Такие усилия могут быть и напрасными, особенно если они прилагаются для недостойных людей.

Осмысление благополучия часто конкретизируется с семейной жизнью. Речь идет о благополучии семьи и детей:

Выброшенный за борт, ценой неимоверных усилий, человек сильной воли и могучей энергии, Раевский без всякой посторонней поддержки сумел устроить свое материальное благополучие, обзавелся семьей и поставил на ноги детей (П. Щеголев).

В приведенном примере подчеркивается идея неблагоприятных обстоятельств, вопреки которым человек строит свое благополучие и благополучие своих близких.

Возрастной признак актуален при описании благополучия:

Молодой богатырь, творя новую жизнь, задевает своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучие (М. Горький).

Эмблематическое противопоставление молодого и сильного, но бедного героя и слабого и богатого старика часто использовалось в идеологической революционной практике.

Внешним проявлением благополучия является здоровье:

Сам Брусничкин ходил свеженький как огурчик – чистенький, прилизанный, блестел большим квадратным лбом, розовые щеки его дышали здоровьем и благополучием, чисто выбритый круглый массивный подбородок отдавал хорошим одеклоном (И. Шевцов).

В приведенном примере благополучие героя показано в виде сочетания нескольких признаков – крепкое здоровье, чистая одежда, свежесбранные щеки, хороший одеклон. Видно, что герой не симпатичен автору – об этом говорят слово «прилизанный», прилагательные с уменьшительными суффиксами «свеженький», «чистенький», такая деталь внешности, как круглый массивный подбородок. По-видимому, автор позиционирует себя как болезненного, не очень опрятного и не очень обеспеченного человека.

Внешними признаками благополучия являются хорошая одежда и особые манеры, свойственные успешным людям:

В общем, не знаю уж – увя или ура, но Саня – уже не прежний московский бич с галошей на одной ноге и с кедой на другой. Вместо «Яростной Гитары» на плечах у него твидовые пиджаки, на ступнях английские туфли, курит всегда что-то душистое, пилотирует BMW. Что больше повлияло – возраст или благополучие, но изменился Саня разительно, стал мрачноват, немногословен, похож теперь на выездного режиссера с Мосфильма, даже некоторое появилось высокомерие (В. Аксенов).

В ироничном портрете персонажа контрастируют галоши и кеды, с одной стороны, и английские туфли, с другой, гитара за спиной и дорогой твидовый пиджак, характерный вид божественного певца и солидная внешность бизнесмена. В списке эмблем значимы также марка дорогой автомашины, трубка с дорогим табаком, немногословие, свидетельствующее о том, что человек привык к внимательным слушателям.

Типичным определением благополучия выступает финансовый статус человека:

Сервировка стола зависела от материального благополучия хозяев (С. Васильев).

В связке с материальным статусом индивида идут его карьера и положение на социальной лестнице:

Меньше всего интересовало его материальное благополучие, положение, карьера (Ю. Тынянов).

Отметим, что пренебрежение этими эмблематическими признаками успешного человека свойственно тем, кто позиционирует себя как явного или скрытого оппонента истеблишменту, как изгоя.

Внешним показателем благополучия является сытость:

Вот Интендант. Так прозвали мы благоухающего сытостью и благополучием толстого полковника с чиновничьими погонами.

Он целый день или лежал, блестя своей лысиной, на высокой постели, прекрасно устроенной на чемоданах, или с наслаждением ел бесконечное количество всяких закусок, которые вез с собой (П. Бобровский).

Образ благополучного человека карикатурно показан в виде лысого толстяка, который лежит в постели и постоянно ест всякую вкусную снедь. Такой имидж закономерно возникает в сознании бедных и голодных людей:

...на фоне недоедания и обнищания большинства населения особенно бросались в глаза сытость и благополучие богатых классов (Э. Пиккио).

Благополучие в его внешних эмблемах является, как можно видеть, объектом критики обездоленных слоев общества.

Важным является противопоставление личного и общественного блага:

В этом коренное отличие нашей интеллигенции от западной, где забота о личном благополучии является общепризнанной нормой, чем-то таким, что разумеется само собою. У нас она – цинизм, который терпят по необходимости, но которого никто не вздумает оправдывать принципиально (М. Гершензон).

Благополучие выступает как базовый признак индивидуалистского образа жизни. Несмотря на то, что в России забота о собственном благополучии всегда являлась одной из витальных ценностей, считается, что демонстрировать эту заботу некрасиво, следует заботиться о других – прежде всего о своей стране, о народе, о деле, которому ты служишь, в меньшей мере о своей семье и в последнюю очередь – о себе.

В публицистике общим местом является противопоставление личного благополучия и душевного комфорта:

И как бы хорошо ни было житейски с неслыханным числом сортов колбас и розовым унитазом, но тех, кому Родина не слово, а целое понятие, для кого личное благополучие не самое главное и нет ненависти к родной стране – этих тянет домой неудержимо. Поэтому комфортно чувствуем себя лишь в нашем общем, пусть даже со съехавшей крышей, доме (Ю. Шуров).

Автор саркастически сводит западное благополучие к гастрономическому раю и чистому отхожему месту. Следует заметить, что в современной России исчезло понятие продовольственного дефицита, набор товаров в супермаркетах практически не отличается от соответствующих западных магазинов, а качественный санитарный фаянс доступен всем. При этом публицист честно отмечает, что важным признаком родного дома является съехавшая крыша, этот метафорический образ выступает в качестве эмблемы своего места. Журналисты и другие граждане нашей страны не раз ехидно констатировали, путешествуя за границей, что и там встречаются облупленные здания, гряз-

ные подъезды, замусоренные пляжи. Разница, как представляется, состоит в поддержании личного пространства в благополучии, и здесь уже речь можно вести о границах такого пространства у наших соотечественников и их западных современников.

Для романтиков важно противопоставить низкое благополучие и возвышенное счастье:

Когда я кончил бюст, Байрон мельком взглянул на него и сказал: «Вы сделали не меня, а благополучного человека. На вашем бюсте я не похож». – «Что же дурного, если человек счастлив?» – спросил я. «Торвальдсен, – сказал он, и лицо его побледнело от гнева, – счастье и благополучие так же различны, как мрамор и глина. Только глупцы или люди с низкой душой могут искать благополучия в наш век. Неужели на моем лице нет ни одной черты, говорящей о горечи, мужестве и страданиях мысли?» (К. Паустовский).

Счастье для романтического героя связано с борьбой и трагедией, в то время как благополучие – это размеренная спокойная жизнь. Эстетические эмблемы «мрамор» и «глина» подчеркивают красоту трагического счастья (вспомним, из мрамора делались храмы, статуи и надгробья) и обыденную непритязательность глины (всем знакома жидкая и скользкая глина на дороге, и не случайно в библейской легенде акцентируется символически низкий исходный материал, из которого был создан Адам).

Идея контраста счастья и благополучия логически приводит к неизбежности жертвы, которую нужно принести ради счастья. Такой жертвой оказывается благополучие:

Отношение к истине в науке сродни отношению к истине Откровения в Средние века. И даже если сейчас жар этого отношения несколько поулег (и совсем не предосудительно не умирать за научную истину), то тем не менее истина – то, чему стоит приносить в жертву свое житейское благополучие, славу, успех, здоровье и т.п. (Т. Кузьмина).

Житейское благополучие идет первым в списке жертвоприношений. Программная установка на отсутствие благополучия выражена в строке из бардовской песни Ю. Кукина: «И неустроенность им заменяет уют».

Такая установка на жертву поддерживается длительной практикой выживания в критических условиях:

Народ чувствовал себя в истории, что он совершает историческое действие, что он при чем-то великом присутствует... Подобное чувство он испытывал еще только в войну... А что вы ему дадите? Сытую жизнь? Благополучие? Они никогда не будут для нас конечной целью. Другой замес. Нам нужен трагический идеал (С. Алексеевич).

Совершая подвиг и принося себя в жертву, люди ощущают великое счастье, которое несопоставимо с тихими радостями повседневной спокойной жизни.

Благополучие проявляется как упорядоченная, предсказуемая жизнь:

В доме у Блока был порядок, размеренность и внешнее благополучие. Правда, благополучия подлинного и здесь не было, но он дорожил его видимостью (Г. Чулков).

По мнению автора, Александр Блок при всей его внутренней трагичности ценил внешнюю обустроенность жизни. Этот тезис нуждается в уточнении. Ошибочно считать, что великим людям не нужны достойные условия для повседневной жизни. Трагедийность жизни не сводится к материальным лишениям. Для творчества не требуется аскеза. Но люди, лишенные творческого начала, считают благополучие смыслом и целью жизни, а люди творческие относятся к благополучию как к необходимой или желательной норме повседневности, четко противопоставляя свою миссию и свое физическое «Я». Трагедией для них является утрата вдохновения, понимание мгновенности бытия, осознание неизбежного исчезновения.

Революционное сознание требует подвигов как ежедневной нормы жизни, такая позиция разделяется не всеми:

В 1946 году один рабочий, проживавший в «Железном Миргороде», или, говоря точнее, в Детройте, сказал мне: «Почему вы все время говорите об американских капиталистах, о монополиях, об эксплуатации? Вы думаете, мы не знаем этого? Знаем. Но нам с нашими капиталистами живется лучше, чем вам без капиталистов...» Отсутствие классового сознания? Конечно. Но не только это – другое отношение к жизни, культ благополучия, страх перед подвигом, перед жертвами, перед неизвестностью (И. Эренбург).

Известный советский публицист фиксирует главную отличительную черту западного образа жизни: нацеленность на жизнь здесь и сейчас. Трезвый здравый смысл подсказывает американскому собеседнику нашего автора, что минусы капиталистической эксплуатации менее значимы, чем издержки социалистического государства с его неизбежным переносом смысла жизни на день грядущий, а не сегодняшний.

Благополучие выступает как идеологическая эмблема чужого образа жизни:

Воображаемый Запад придаёт смысл заложенному в миф «псевдоразвитию», как будто указывая направление движения («технологический прогресс», «цивилизованный быт», «потребительское благополучие») (Б. Дугин).

Автор использует кавычки, один из любимых знаков препинания тоталитарной эпохи, по В. Клемпереру, с язвительным цитированием таких концептов, как «прогресс», «цивилизованность», «благополучие» (по мнению автора, это спорные ценности, навязываемые миру Западом).

Весьма распространенной характеристикой благополучия выступает его кажимость, мнимость:

Современный мир представлен здесь в виде прекрасно оборудованного, комфортабельного парохода, пассажирами и командой которого, несмотря на видимость полного благополучия, овладевает беспокойство и страх – им кажется, что в трюме корабля скрыт труп: это означает, по поверьям моряков, неизбежность крушения судна (В. Адмони).

Отметим, что внешне благополучный мир выглядит очень красиво, но его обитателям в этом мире дискомфортно. Образ скрытого трупа на корабле символизирует неизбежность крушения судна. Соответственно, возникает устойчивая связь: внешнее благополучие есть признак неизбежной будущей трагедии. Такая связь представляет собой идеологическую установку автора.

Специфической характеристикой внешнего благополучия является его подчеркнуто поверхностная и показная сущность:

Что нужно деканату? Казенное благополучие. Чтобы процент хороших и отличных оценок неуклонно возрастал от сессии к сессии, а процент двоек падал (И. Грекова).

Когда говорят о казенном благополучии, то подразумевается, что на самом деле чиновники проявляют полное равнодушие к действительному положению дел, благополучие для них – это правильный, ожидаемый начальством рапорт, и что внешнее благополучие свидетельствует о кризисе и проблемах общества и организации. Эта идея очень глубоко укоренилась в сознании носителей русской культуры. Вспомним о «потемкинских деревнях» в царской России, о «полировке действительности» в отчетах местных руководителей, о штампах «законная гордость» и «глубокое удовлетворение» времен застоя (семидесятые годы в Советском Союзе). Это отношение точно выражено в ироничной песенке Булата Окуджавы:

Римская империя времени упадка сохраняла видимость твердого порядка: Цезарь был на месте, соратники рядом, жизнь была прекрасна, судя по докладом.

Иначе говоря, «благополучный» значит «фальшивый».

Если благополучие выступает эмблемой для определенного человека, то он стремится эту эмблему отчетливо продемонстрировать:

– Ну, покажи же нам свою квартиру, – подтолкнул Клинов Подходцева. – Я думаю, изнываешь от желания похвастаться благополучием... (А. Аверченко).

Герой хвастается своим благополучием, если чувствует, что это – его отличительный признак. Так, например, в наши дни вряд ли кто-то будет гордиться или хвастаться тем, что имеет компьютер или мобильный телефон.

Концентрированным обозначением приземленного бытового благополучия в советское время было слово «мещанство»:

И вдруг в эту атмосферу мещанского благополучия словно камень бросили в стоя-

чую воду, – в театре появилась Яворская (Т. Щепкина-Куперник).

Актриса сравнивает мещанское благополучие с болотом, со стоячей водой. Изначально слово «мещанство» обозначало «податное сословие из мелких городских торговцев, ремесленников, низших служащих, домовладельцев и т.п. В отличие от купцов, мещане платили подушную подать, могли подвергаться телесным наказаниям, рекрутской повинности. Принадлежность к мещанству наследовалась, при этом разбогатевшие (приобретшие капитал более 500 рублей) мещане могли свободно переходить в купечество, а купцы, разоряясь, становились мещанами» (БТС). Но постепенно этим словом стали называть поведение и образ жизни людей с мелкими, ограниченными интересами, узким кругозором. В центре критической оценки находится отсутствие общественного кругозора. Эмблемами мещанского благополучия были абажуры, кровати с перинами и множеством подушек, аляповатые безвкусные картины на стенах, гипсовые слоники на этажерках, канарейка в клетке. Приведу развернутое описание мещанского быта:

И дело тут, конечно, не в канарейках, кокетливо чирикающих в клетках, не в герани на окнах и не в других привычных атрибутах уютного квартирного мирка. Губительна для молодой души хлопотливая, самоуверенная пошлость, которая неизбежно ведет к тому, что человек отгораживается от всего мира тюлевыми занавесочками, геранью, патефоном, глухой стеной с крымскими видами в ракушечных рамках, бумажными веерами, целым стадом гипсовых слоников (якобы оберегающих домашнее счастье), бамбуковыми ширмочками, тряпичными ковриками, подушечками, всеми этими безвкусными вещами, как будто бы создающими комфорт, а на самом деле пыльным хламом, любезным только для клопов. Страшно то, что такие люди начинают думать, будто в этом отгороженном, тесном, непривлекательном мирочке истинный центр вселенной. А что там, снаружи, за окнами – пропади хоть все пропадом... Так этот жалкий вкус, страшящийся любого дуновения свежего ветра, ревниво оберегающий «милый» покой, начинает определять и образ жизни и все мироощущение человека (Л. Кассиль).

Критическая оценка благополучия в его эмблематических мещанских проявлениях (заполненное безделушками маленькое пространство, уютная клетка, знаки обеспеченности – занавесочки, герань, коврики, патефон) дается людьми, для которых существуют высшие ценности – произведения высокого искусства, социальные идеалы, борьба за светлое будущее человечества. Значимы в этом примере уменьшительные формы слов: подлинный мир противопоставлен мещанскому миру.

Отметим, что дурной вкус часто был атрибутом купеческого образа жизни, и здесь жест-

кая критика мещанства является наследием презрения к ближайшим социальным типажам со стороны разночинной интеллигенции.

Таким образом, сочетаемость характеристики слова «благополучие» свидетельствуют о том, что концепт, фиксируемый в этом слове, является идеологически маркированным. Такая маркированность появилась в содержании этого концепта тогда, когда возникла необходимость противопоставить ценности богатых и бедных. С точки зрения бедных, релевантным является противопоставление благополучия и счастья, при этом благополучие выступает как антипод спасения души (религиозное основание) и коллективного блага (классовое основание), благополучие часто является мнимым, свидетельствует о дурном вкусе, и оно должно быть принесено в жертву великой идее. Для бедных, постоянно испытывавших голод в прежнюю эпоху, важнейшим эмблематическим признаком благополучия являлась сытость. Благополучие – это эмблема западного потребительского общества, знак чужих в Советском Союзе. Официальная советская идеология утверждала романтическое отношение к жизни, и стремление к благополучию рассматривалось как бездуховность. В современной публицистике отрицательная оценка благополучия прослеживается в публикациях тех авторов, которые считают порочной рыночную модель общества.

Для определения современного понимания благополучия в России (лето 2010 г.) был проведен опрос информантов, которым было предложено написать короткое сочинение на тему «Когда я думаю о благополучии, я представляю себе...». Приведу типичные короткие сочинения.

Когда я думаю о благополучии, я представляю себе...

...Семью за столом. Все рады видеть друг друга, тихо беседуют, улыбаются. Вечер. В углу негромко работает телевизор. Особенно счастлива бабушка. Она молча переводит глаза с внуков на детей и улыбается. Двое подростков что-то увлеченно друг другу рассказывают. Видно, как им всем хорошо вместе.

...Хорошо одетого мужчину, который вышел из дорогого автомобиля и идет в свой дом. Этому человеку, наверно, около 40 лет. Он вернулся домой. Большой двухэтажный дом ярко освещен, за окнами мелькают силуэты людей. Слышится детский смех. К мужчине с лаем подбегает породистая собака, радуясь приходу хозяина.

...Пожилых туристов, мужа и жену, которые идут, взявшись за руки, по Парижу. Они приехали издалека, давно хотели здесь побывать. Они смотрят на город сияющими глазами. Они хорошо одеты. Жена что-то говорит мужу, он улыбается и кивает. Они с удовольствием проводят свой отпуск вдвоем.

...Веселую компанию на берегу реки. Они готовят шашлык. Это несколько человек, наверно, две или три семьи. Под деревьями в тени стоят автомобили. Дети весело бегают по песку.

В ответах всех респондентов называлась семья, часто указывался загородный дом, члены семьи собирались в своем саду, проводили вместе досуг. Таким образом, благополучие ассоциируется с домом, теплыми отношениями между близкими людьми, совместным проведением досуга. Критических оценок благополучия не было высказано. Интересно, что никто из респондентов не поставил на первое место материальный достаток. Идея материальной обеспеченности является пресуппозицией по отношению к концепту «благополучие», т.е. подразумевается, но не акцентируется. Благополучие проявляется в улыбках, часто в совместной трапезе. В «Русском ассоциативном словаре» приводятся данные от реакции к стимулу применительно к рассматриваемому концепту – *материальный (3), достаток, удобства (2), деньги, иметь, машина, надежность, ошибка, сделка, семья, создавать, стипендия, стремление (1)*. Эти данные свидетельствуют, что благополучие в современном языковом сознании в целом оценивается положительно (единственным косвенным доводом в пользу неоднозначной оценки благополучия является единичная реакция «сделка», т.е. благополучие как результат коммерческой операции, которая гипотетически допускает нечестность по отношению к партнеру).

Резюмирую.

Лингвокультурный концепт «благополучие» представляет собой сложное ментальное образование регулятивного типа. Его содержательный минимум стабилен и включает признаки удовлетворенности, спокойной гармоничной жизни, взаимопонимания с близкими людьми и материального достатка. Его ассоциативные признаки вариативны и характеризуются идеологической маркированностью, имеющей религиозную и политическую окраску. В религиозном плане благополучие – это нацеленность на обретение блага для души, а не для тела, в политическом плане – это эмблематическая самоидентификация романтических коллективистов, презирующих благополучие как индивидуалистское и материально-потребительское отношение к жизни. В современной российской коммуникативной практике благополучие оценивается как безусловное благо, как одно из условий счастья. Критическое отношение к благополучию высказывается только в оппозиционном российском публицистическом дискурсе,

участники которого отрицательно относятся к ценностям западной цивилизации, сориентированной на максимальное удовлетворение материальных потребностей людей.

ЛИТЕРАТУРА

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 8-93.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.-Калуга: Эйдос, 2007. С.26-33.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8-20.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Лексикографические и текстовые источники

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. (БТС).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1994.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: Ок. 160 000 слов. М.: АСТ; Астрель, 2006.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель, АСТ, 2002. (РАС).

Толковый словарь русского языка: В 3 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001. (Ушаков).

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003. (Дмитриев).

Электронная текстовая база данных «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин, ИЛИ РАН).

© Карасик В.И., 2010